

Россия перед Пушкиным в тяжком долгу. Даже сейчас, спустя 180 лет после его смерти, мы не поняли и даже приблизительно не сформулировали его этическую систему. Связано это, возможно, с тем, что она и так нам понятна: ведь Пушкин — наш Христос, та самая христологическая фигура, что обязательно обнаруживается в основе всякой национальной философии, культуры и нравственности. Мы следуем ему бессознательно, а сформулировать, что такое наш этический кодекс, нам так же трудно, как христианину объяснить в разговоре с варваром, что такое христианство. Он до него дошел, дострадался — или его, как некоторых счастливцев, внезапно озарило, — но пересказать этот опыт нельзя. Или, по крайней мере, для этого надо обладать литературным талантом блаженного Августина, который не столько разъясняет веру, сколько настраивает читательский слух и зрение, чтобы эта вера стала понятна. Точно так же и Пушкин — ничего не проповедует прямо, при всей своей афористичности; просто, читая его, мы развиваем в себе те качества, которые соответствуют русскому образу жизни, позволяют выжить тут и сохранить человечность, и полно реализоваться. Но в чем именно состоит эта пушкинская нравственная система — сформулировать крайне трудно, и даже Лев Толстой, пытаясь объяснить в «Войне и мире», как именно русские побеждают любого противника, все чаще прибегает к показу, а не к пересказу. Философия ему тоже отлично удается (защитим его, скажем, от Флобера, рекомендовавшего все философские отступления убрать), но она столь непривычна, что над ней предпочитают не задумываться: пишут, что он заблуждался или подражал Шопенгау-

эру. А ведь философия простая, самая что ни на есть пушкинская, и только благодаря этим принципам Россия выживает и торжествует.

Во-первых, в пушкинской системе ценностей честь выше всего, потому что это система аристократическая, а не разночинская. Писал об этом внятно один Мережковский, доказывая, что взгляды Пушкина — вообще взгляды аристократа, а не интеллигента. Искусство не служит пользе. Польза вообще скучна, смешна, презренна. Высшая цель человека — служение прекрасному, потому что одно только прекрасное по-настоящему интересно и, сверх того, безотносительно. Красота, полнота выражения, эмоциональная сила — вот безошибочно определяемые ценности. Мораль относительна и всегда искусственна. Мораль придумали те, кто хочет служить правилам, а не людям; те, кто лишен совести и музыкального слуха. Мораль — свод правил, применимость которых ограничена и всегда спорна. Действовать следует, исходя не из правил, а из «единой разве совести» («Борис Годунов») и обязательств чести.

Правоты нет, как нет predetermined победителя ни в одном споре; Пушкин, как точно заметил Синявский, всегда любит обеими сражающимися сторонами. Военская доблесть заключается не в храбрости (колебаний не знают только тупицы), а в презрении к смерти и в полноте самопожертвования. Побеждает тот, кто меньше себя жалеет, кто меньше рассчитывает и больше жертвует. Величие заключается именно в полноте реализации, в масштабе жертвы, в дерзании.

Пушкинская этика — в которой важен не вектор, а масштаб, не правота, а сила духа и готовность идти до конца, — многих отпугивала. Директор Лицея Энгельгардт говорил и писал, что более пустой, более страшной и безнравственной души не видел: нам, привыкшим к сусальному образу доброго и веселого Пуш-

кина, так же трудно вместить и понять это определение, как человеку, отравленному разговорами о доброте и душевности христианства, трудно понять слова Евангелия от Матфея: «ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет». У Толстого Наташа говорит это о Соне, и многие читатели, я знаю, на стороне Сони — именно потому, что за Наташей стоит полнота жизни, сила, решимость, а это не всякому нравится и далеко не легко переживается окружающими. Но Евангелие жестоко, а не только милосердно; и этика Пушкина многим кажется холодной, пустой, жестокой — именно потому, что это этика силы и решимости. Но Россия — такая страна, что в ней не выжить иначе. Тут ценится не правота, которой, в общем, и не бывает, а готовность все, включая жизнь, отдать во имя собственного понимания вещей. Пушкин этому учил — и так поступил; и победа его абсолютна.

Все еще сложнее с пушкинской концепцией истории, которая расходится с любыми идеологическими догмами. Это концепция сугубо русская, к другим народам вряд ли приложимая, — но Пушкин ведь и стал первым поэтом именно в России, в прочем мире его влияние куда меньше, да и законы истории там другие. У каждой нации свой путь и своя схема. Народ в пушкинской концепции — стихия; как стихия, он бывает тих и смирен, а бывает жесток и неудержим, и сила эта так же неудержима, беспощадна и жестока, как разгул природы, как наводнение, столь похожее в «Медном всаднике» на бунт в «Капитанской дочке». Бунт возникает не по нравственным либо идеологическим, а по объективным, если угодно, природным причинам. Схема русской государственности дана в «Медном всаднике»: это гранитный, европейский город на болоте. Город и болото живут по принципиально разным правилам. Болото можно подавить — и это подавление может длиться хоть столетие, но «порабощенная Нева»

неизбежно взбунтуется, и жертвой ее станет не царь, не дворец, но маленький человек, Евгений. Евгений погибает не потому, что Петр решил «в Европу прорубить окно», а потому, что построенный Петром город и его же схема управления страной никак не рассчитаны на контакт с массой. Масса до времени терпит, а потом устраивает пугачевский бунт; Нева терпит, но устраивает наводнение. Другой город — в котором стихия имела бы свои права — тут не предусмотрен, хотя именно его строительство могло бы изменить, переломить данную историческую матрицу. Пушкин предпочитает жить и работать в Петербурге — но понимает и то, что Петербург в некий момент окажется перед лицом стихии, которая никого не слушает и ни о чем не рассуждает.

Народ, соответственно, знает два состояния: первое — когда он «безмолвствует» или, как в беловом автографе «Годунова», покорно повторяет: «Да здравствует царь Дмитрий Иванович». В этом положении он вполне заслуживает обращения: «Молчи, бессмысленный народ!» Но есть и другое — когда масса ионизируется, когда она делает свой выбор: этот самый народ не вечно будет стоять на коленях или тереть глаза луком, дабы вызвать слезы. Иногда прав Гаврила: «Но знаешь ли, чем сильны мы, Басманов? Не войском, нет, не польскою подмогой, но мнением; да! мнением народным». В остальное время народное мнение не значит почти ничего. Что заставляет «мнение народное» меняться? Прямая, откровенная, демонстративная бессовестность власти; народ терпит, когда с него дерут семь шкур, — но не терпит, когда его кодексом открыто пренебрегают. Он готов терпеть царя-злодея, но не готов терпеть царя-Ирода. Правда, есть у народа и еще одна, не самая приятная черта: он отлично чувствует силу — и не готов ей сопротивляться. Ненависть к царю Ивану вымещается не на нем, а на Борисе Годунове. Пушкин народу не льстит — он в этом не нуждается; льстят ведь ему обычно те, кто как раз и дерет эти шкуры. Пушкин

любит народ в минуты объединяющего всех вдохновения — такого, как во время «грозы двенадцатого года» или в дни Полтавы.

Пушкину часто приписывают особого рода альтруизм в любви — основываясь, конечно, на «Я вас любил так искренно, так нежно, как дай вам Бог любимой быть другим». Это не слишком вяжется с «Желанием славы», со знаменитой арапской ревностью, с «Сожженным письмом», с самим поведением Пушкина, который никогда в быту не отступает от собственных, прокламированных в лирике или прозе жизненных правил. Ревность неизбежна, как мстительность, которую Пушкин с тем же своим арапским темпераментом включал в число христианских добродетелей (мщение потому к ним относится, что оставлять мерзость неотмщенной значит к ней присоединяться, разделять ее). Чем же объяснить это милосердное напутствие? Тем, что, по Пушкину, любовь нужнее всего любящему — в этом ее высший эгоизм; смысл любви не в обладании, не в любовной удаче, не в торжестве над соперником, а в тех чувствах и той поэзии, которую из нее можно извлечь. И если превращение любви в лирическое переживание состоялось — большего желать невозможно; это то самое, что Набоков называл «похитить мед». Эгоизм поэта — и высшая его доблесть — не в том, чтобы добиться взаимности, а в том, чтобы извлечь поэзию из невзаимности (или удачи, это уж как повезет). Можно сказать, что при таком подходе личность возлюбленной не столь уж важна — и это будет отчасти верно: о любви к Анне Керн написано «Я помню чудное мгновенье», а о самой Анне Керн в частном письме — совсем другое. Когда женщина преображена любовью поэта, она перестает быть собой — и только поэтому Пушкин мог увидеть Мадонну в Наталье Гончаровой; подлинная Гончарова либо вовсе его не интересовала, либо вызывала у него рассеянное «ты прелесть». Красота столь же мало зависит от морали и даже от характера, сколь

гениальное творение — от личных фобий и маний поэта; Пушкин выбрал себе уж подлинно ровню, которая за свою красоту (как и он — за свой гений) ни в малой степени не отвечала. «Поэзия выше нравственности — или по крайней мере совсем иное дело». Гениальность нельзя заслужить — она, как и красота, как и сословные предрассудки, честь, история, Родина, нам «дается». Мы их не завоевываем, а получаем даром — как поручение; и всю жизнь за них платим. Он так же заплатился за свою гениальность и честь, как она — за свою красоту.

Легко сказать, что этот нравственный кодекс труден для исполнения — но и Россия нелегка для жизни. Легко сказать, что этот кодекс холоден, — но и Россия холодная страна. Однако для того, чтобы следовать простым пушкинским правилам, у нас есть мощнейший стимул — его поэзия с ее сверхъестественной силой воздействия, его личность с ее безмерной притягательностью, его судьба с ее отвагой и гармонией. Не надо только делать вид, что доброта, снисходительность и терпение приближают нас к пушкинскому идеалу. Поэзия, как и любое другое подлинное служение, — дело кровавое: «И жало мудрая змея в уста замершие мои вложил десницею кровавой» — так говорят о хирургической операции, а не о вдохновении. Пушкин отдал все и победил. Это и есть главный урок его жизни, смерти и бессмертия.